

В НОЧЬ НА 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

В 1917 году в теперешних казармах 1-го саперного батальона (Преображенская ул., 39) стоял 6-й запасный саперный батальон, состоящий из пяти рот общей численностью около 10 тысяч человек. По политическому своему сознанию в батальоне первая рота была также первой, имея в своем составе двух видных большевиков: товарищей Белякова и Березовского, [избранных] представителями в Петроградский Совет, и унтер-офицеров, из которых некоторые еще помнили Туркестанское восстание солдат-саперов и ужасы его усмирения царским правительством. Рота была идейным вождем всего батальона, сохранила внутреннюю спайку, дисциплину и получила еще с Февральской революции наименование «большевистской».

В памяти саперов было еще свежо воспоминание о расправе буржуазии над рабочими и солдатами за июльские дни 1917 года и стремление Временного правительства заменить понимающий кое-что в политике петроградский гарнизон малосознательными частями с фронта. Твердо тогда решили саперы 6-го запасного саперного батальона выступить на защиту II Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Не любил роту за ее революционное единодушие и выступление в июльские дни командир батальона капитан Кейхель. С обнаженной шашкой в руках, тюрьмой, позицией и расстрелом грозил он саперам и приводил их в повиновение. Но ничего не помогло. Единственная дисциплинированная, боеспособная рота по-прежнему составляла в батальоне отдельный лагерь, явно враждебный Временному правительству.

Вечером 25 октября ¹ 1917 года в первой роте, как обыкновенно, кучки саперов оживленно обсуждали текущие события, в частности и предстоящее выступление.

Вот и 2 часа ночи, а спать никто не ложится. В канцелярии с командиром поручиком Ермолаевым, у столиков унтер-офицеров, на двухэтажных нарах и на полу кишит встревоженный полуторатсячный улей саперов. Видно, крепко задумано завоевать власть трудящихся.

¹ Очевидно, должно быть: 24 октября. *Ред.*

— Становись! — крикнул командир роты, выходя на середину коридора. Его команду подхватили унтер-офицеры, и рота, изготовившаяся раньше и получившая патроны, мигом выстроилась.

Стало известно, что на роту возложена задача немедленно занять Николаевский вокзал. Не митингуя и не обсуждая, что будут делать остальные роты батальона и части петроградского гарнизона, рота выступила и через четверть часа уже заняла Николаевский вокзал, окружив его цепью сильных караулов.

Ночь была морозная. Северный ветер пронизывал до костей. На прилегающих к Николаевскому вокзалу улицах, поеживаясь от холода, стояли группы саперов, зорко всматриваясь в полусумрак ночи. Луна делала картину фантастической: громады домов походили на средневековые замки, саперов сопровождали тени-великаны, при виде которых изумленно осаживала коня статуя предпоследнего самодержца. Громко и уверенно неся к приближающимся автомобилям окрик: «Стой! Кто едет?» — и следовала проверка документов.

Около 6 часов утра окрик «Стой!» раздался громче обыкновенного. Часовой при виде двух неостановившихся автомобилей с вооруженными людьми дал выстрел-сигнал, и... грозно вылетели из вестибюля Николаевского вокзала саперы со щелкающими затворами винтовок и криками: «Сдавайся, буржуазные щенки!»... Прибывшие юнкера были обезоружены. Обезоруженных, числом около 80 человек, отправили в Смольный.

Утром 26 октября¹ на фоне падающего большими хлопьями снега вырисовывались на площади Восстания фигуры разгуливающих на постах саперов.

Обыватель, заснувший при Временном правительстве и проснувшийся при Советской власти, недоумевал...

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 182—183

¹ Следует: 25 октября. *Ред.*